

Т.Б. ПЕРФИЛОВА

Р.Ю. Виппер о причинах искажения образа античной истории

Академика Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954) называют гордостью Московского университета, виднейшим представителем московской исторической школы [1. С. 5.], одним из наиболее известных специалистов по всеобщей истории и методологии исторического познания в России первой половины XX в. [2. С. 153].

Научное мировоззрение Р.Ю. Виппера формировалось в условиях эволюции социальной мысли второй половины XIX в.: распада гегелевской философии и кризиса трансцендентального идеализма [3. С. 199, 297], отказа от «фундаментальной» теории прогресса и пробуждения сомнения в познаваемости мира.

Совокупность самых разнообразных причин: крушение либерально-демократических идеалов, расширение горизонта общественнознания по мере накопления этнографического материала, перемены в картине мира естественных наук и изящных искусств и другие – породили недоверие к интеллигентным выводам, пытавшимся вместить в себя реальный ход истории.

Эпистемологические новации последней трети XIX в. подтачивали унаследованную от гегельянства, позитивизма, марксизма уверенность в том, что цель исторических исследований состоит в постижении и реконструкции исторической реальности. Там, где объективисты усматривали реальность, поборники новой гносеологии видели лишь игру интерпретаций. Генерализующие теории и объяснительные модели развития человечества, перекочевавшие в Россию из Европы и определявшие теоретические построения, популярные до этого времени, подверглись ревизии [4. С. 105].

Богатство идей и мнений, порождавшее плюрализм концептуальных и методологических ориентиров, создавало питательную среду не только для осознанного выбора теоретических оснований исторических исследований, но и для не менее творческого процесса построения многочисленных комбинаций из предлагаемых онтологических и гносеологических моделей.

Историческая концепция Р.Ю. Виппера впитала в себя наиболее популярные в Европе второй половины XIX в. новации: сверхкритичное отношение к нарративу и увлеченность социально-экономической проблематикой [5. С. 6, 7]. Он овладел теорией континуитета, идеей многообразия «сцеплений», присутствующих и проявляющихся в ходе исторического существования народов, выводом о равнозначности материальных и духовных начал в жизни общества. Он сформировался убежденным сторонником «истории состояний», не признающим влияния гениальной личности на эпоху его жизни, ученым, склонным скептически относиться к исторической традиции прошлого и готовым к созданию своих «умственных разрезов».

Долгое время Р.Ю. Виппер работал в проблемном поле позднего позитивизма, выражая интерес к конкретным деталям истории, проявлявшимся в своей нерасторжимой сочлененности. Он стремился понять совокупность условий, определявших распределение богатств, образование классов, развитие политической организации, распространение научных знаний, эволюцию религиозных представлений у народов древности. Ему важно было обнаружить имманентное единство материальных и культурных причин, вызывающих к жизни все исторические явления, воспринимаемые им как «органически связанное целое». Эта задача ему казалась наиважнейшей, потому что она определяла его позицию к «старому направлению истории» XVIII в.: неприятие гегелевского догматизма и метафизического схематизма, все еще сохранявшихся в виде рудиментов сознания у представителей отечественной историографии.

Р.Ю. Виппер демонстративно отказался и от другого наследия эпохи «философии истории» – «всемирно-исторической» теории прогресса, считая недопустимым использование понятия «прогресс» к развитию человечества как обезличенной единой целостной системы. Подобно В.О. Ключевскому, он видел свою задачу как ученого в изучении конкретных обществ, в выяснении наличия или отсутствия повторяемости аналогичных явлений, типичных процессов у отдельных народов, развивающихся по схожим «ступеням». Напротив, любое стремление навязать человеческим коллективам постоянно присутствующее и запрограммированное мировым разумом восхождение к высшим ступеням он считал глубоко ошибочным, так как отрицал и телеологизм в истории, и извечную устремленность человечества к прогрессу.

Р.Ю. Виппер увлекался марксизмом, но убежденным, «законченным» марксистом не стал, и в экономических факторах видел только важный, но далеко не единственный механизм развития социальных отношений и классовой борьбы. Он отрицал и другой, не менее важный в марксизме вывод о роли базисных предпосылок в формировании политического режима как разновидности «надстроечных» явлений [6. С. 124]. Ему казалось, что форма государственной власти может определять характер социальных и производственных отношений.

В начале XX в. Р.Ю. Виппер начал проявлять интерес к психологическим основам организации труда историка, что впоследствии позволило ему связать вопросы гносеологии исторического познания с психологией исторического творчества. Наиболее интересные, на наш взгляд, выводы и суждения были сделаны Р.Ю. Виппером именно в этой области, ставшей ведущей в его теоретическом дискурсе. Занимаясь разработкой важных методологических проблем: прогресс и регресс в истории, закономерности и случайности, взаимодействие человека и исторической среды, он начал связывать их рассмотрение с решением новых задач: выяснения границ познавательных возможностей истории и изучения специфики научной деятельности историка, взяв в качестве

методологических ориентиров в своих исследованиях идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха.

Р.Ю. Виппер воспринял эмпириокритицизм как идеологическую установку для проведения ревизии в теории исторического познания и методах исследовательской деятельности историка. Он называл эмпириокритицизм «теоретико-познавательным критицизмом» – новым критическим направлением в философии, которому, по его мнению, было суждено вызвать появление нового направления и в области исторической мысли [7. С. 59, 60], сфокусированного на изучении способа образования исторических и социологических категорий с «точки зрения психических условий». Осуществление этой цели предполагало, в свою очередь, выделение тех элементов психики историка, которые определяют его толкование исторических явлений, осуществление комбинаций фактов и их классификацию, влияют на разработку терминологии.

Актуальность новых исследовательских перспектив объясняется Р.Ю. Виппером двояко. С одной стороны, теоретико-познавательный критицизм позволит избавиться от умозрительных выводов, которые ранее трактовались отражением объективной реальности, а на деле представляли собой волюнтаристские выходки историков разных поколений, которые считали позволительным произвольно препарировать факты в своем сознании, а полученные результаты выдавать за воссоздание адекватных картин прошлого.

С другой стороны, новый критицизм дает возможность выявить, какие психические механизмы задействованы при организации научных запросов историков, интегрированных в научные сообщества с едиными идеями, традициями и представлениями о будущем науки [7. С. 60, 61], и, познав их, усовершенствовать методы постижения истории.

«Общее философское настроение в настоящее время становится иным, – замечает Р.Ю. Виппер. – Оно хочет определить, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли. Оно хочет знать те психические условия, в которых образуются наши представления о реальном мире, в котором происходит установление фактов и классификация их. Оно хочет знать, каков психический смысл наших заключений о взаимной связи явлений реального мира, об их закономерности» [7. С. 27].

Искреннее убеждение Р.Ю. Виппера в совершенстве познавательных возможностей теоретико-познавательного критицизма позволяет ему приписать этому новому направлению развития историко-философской мысли решение сложнейших методологических задач: «пересмотр установившихся в истории социологии рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов» [7. С. 28].

Выделение в качестве первоочередных задач истории создание нового научного фундамента и осуществление кардинальных перемен в технологии исследований может свидетельствовать о заявке Р.Ю. Виппера стать основоположником новой гносеологии истории.

Для того, чтобы обосновать неотложность задачи изменения научно-методологической парадигмы истории, Р.Ю. Виппер подробно анализирует традиционную организацию мыслительной деятельности историка, которая с фатальной неизбежностью приводит к искажению прошлого человечества.

Деятельность каждого историка начинается с обработки фактов: их выявления, описания, определения сущности, систематизации, установления соотношения между ними. В отличие от обывателя, полагающего, что «факты существуют вне нас в отчетливых очертаниях» [7. С. 28], Р.Ю. Виппер убежден в том, что исторический факт – это продукт субъективного сознания изучающего его историка (в чем, кстати, явно прослеживается причастность ученого к эмпириокритицистам, утверждавшим принадлежность факта только области сознания, а не объективной реальности).

Группы и ряды фактов представляют собой «умственные разрезы», «умственные опыты» историков, то есть сложную комбинационную и творческую мыслительную деятельность; она, в свою очередь, считал Р.Ю. Виппер, определяется «предрасположениями мысли», «представлениями», то есть теми субъективными психологическими началами, которые неизменно присутствуют при изучении предмета истории.

В зависимости от «угла зрения» историка факты приобретают способность переставляться, исчезать и появляться вновь. Эти операции, называемые манипуляцией, не воспринимаются историком с предосудительностью, так как он с самого начала их изучения придерживается определенной позиции, соответствующей его убеждениям. Именно поэтому нередко получается, что «факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» [7. С. 32], – утверждает Р.Ю. Виппер.

Каждый историк, кроме того, находится в «плену» определенных теоретических установок, кажущихся ему универсальными, научных подходов, современных концепций, традиций научной школы. Эта научная среда, в которой вырос историк, диктует ему «руководящий чертеж», «образец», с которого он обязан «копировать свои картины» [7. С. 30]. Приступая к работе с «определенным планом действия», историк невольно производит подбор фактов, соответствующих выбранным ориентирам. Он устанавливает значимость фактов, опускает одни и выдвигает на первый план другие, предлагает иерархию фактов, создает связи и сцепления между фактами. «Под влиянием такого плана [действий – Т. П.] происходит... создание фактов в уме нашем... Наша работа движется в рамках традиции, готовых схем, которые направляют, регулируют наше дело, но вместе с тем стесняют свободу нашей мысли» [7. С. 33].

Для иллюстрации своих наблюдений о процессе создания «образа истории» Р.Ю. Виппер приводит принятые в научных кругах правила изучения истории Древнего Рима в свете теории «исторического круговорота» и концепции прогресса.

Теория «исторического круговорота» предлагала рассматривать исторические судьбы человечества как смену двух движений: сначала вверх

до некоторого исходного пункта, затем – вниз, к исходному положению, снова – вверх и т. д. В соответствии с этой заранее определенной перспективой «Рим шел от монархии через аристократию и демократию опять к монархии» [7. С. 29]. Варварство сменялось общественной организацией, культурностью, которая заменялась моральным упадком и созданием условий для одичания – нового варварства.

Истолкование фактов производилось при помощи понятий «повышения и понижения, цельности и дробления, гармонии и анархии» [7. С. 30].

Когда перед историком встала другая исследовательская задача: рассматривать историю Рима с точки зрения идеи прогресса, «бесконечного и последовательного», – он вынужден был сознательно группировать факты, соответствующие критериям «улучшения», «усовершенствования», и игнорировать факты, где использование подобных критериев было неприемлемым. Если положительные признаки открывались не сразу, следовало искать «скрытые» положительные стороны.

Для концепции прогресса не могло быть полных потерь в движении человечества. «Вместо потерь новая теория видела выступление новых свежих начал, дополнение старой несовершенной культуры элементами, которые должны были привести ее к новой высшей ступени» [7. С. 30]. Поэтому, отживая свой век, римская культура, основанная на рабстве, подчинении личности государству, уступила место не варварству, а «великим положительным данным»: германской свободе, морали христианства, церковной организации.

Деятельность историка сковывают не только идеологические клише и рамки научной традиции. Любой исследователь, приступающий к работе, обращается к терминам, научным классификациям, схемам в виде хронологических периодов. Он воспринимает эти «символы живых комбинаций мысли» как данность, как освященные авторитетом его предшественников незыблемые догмы, не задумываясь о потребностях породившего их контекста и уповая лишь на магический неизменный смысл комплекса сложившихся идей и представлений. Культ имени кумиров иной эпохи и абсолютизация результатов их научных достижений нередко позволяли сохраняться в сознании многих последующих поколений ложным, ошибочным выводам. Такие категории исторической науки, как реакция, возрождение, индивидуализм – «неясные и растяжимые» во времени, «давали не только рамки, но вызывали также известные ассоциации, возбуждали поиски в известном направлении или задерживали, напротив, развитие мысли в другом направлении» [7. С. 36, 37]. Мысль молодого исследователя невольно «робеет и сбивается», когда он по привычке руководствуется известным именем и общепризнанным символом [7. С. 38]; он становится не в меру осторожным в своей работе и из страха разрушить каноны начинает тенденциозно относиться к тем новым фактам, предположениям и открытиям, которые появляются в науке.

К числу ошибочных научных представлений, закрепленных в категориальном аппарате истории Древнего мира, Р.Ю. Виппер относит

термин «античное мировоззрение». Под этим названием скрывалась «весьма произвольная характеристика понятий и настроений» античного грека: представления о его жизнерадостности, гармоничности сознания, равновесии тела и духа, особом значении культа красоты. Эта фиктивная картина являлась результатом механического соединения разновременных «лоскутов» сведений: поэтических изображений богов гомеровского периода, художественных тенденций времен Фидия, картин воспитания в гимназиях, примеров полисного патриотизма греков. Допуская правдивость этих представлений и близость к реалиям греческой жизни V в. до н. э., Р.Ю. Виппер вместе с тем выражает недоумение в связи с превращением этих взглядов в обобщающую неподвижную характеристику «грека вообще всех времен, а потом и римлянина» на одном лишь основании, что римляне читали греческую литературу, имели греческих учителей и отождествляли своих богов с греческими.

Несмотря на условность, неисторичность, произвольность характеристик термина «античное мировоззрение», он прижился в науке, оказывая свое угнетающее давление на сознание новых поколений историков, которым в процессе кропотливой работы удалось обнаружить целый ряд исторических явлений, не только противоречащих идеализированному образу человека античности вообще, но и даже отлакированному портрету грека V в. до н. э. «Вглядываясь» в те же источники, которые дали начало хождению термина «античное мировоззрение», новые историки стали замечать у греков проявления мистицизма, пессимизма, аскетизма, сектантства, ранее либо не обнаруживавшиеся, либо игнорировавшиеся. Поначалу, когда эти факты считались единичными, они классифицировались как «курьезы эпохи», «странности», второстепенные и добавочные явления. Исследователи пытались обходить их стороной, не замечать, чтобы не разрушить мнения кумиров и закреплённый в истории догмат. Когда же возросшее количество этих «аномальных» фактов скрывать уже стало невозможным, научное сообщество согласилось их признать на второстепенных правах: не избавляясь от прижившегося термина «античное мировоззрение», научный лексикон обогатился его уточнением под рубрикой «упадок античного мировоззрения».

Орфики, киники, Сократа и Платона – всех, кто не соответствовал критериям греческого оптимизма, жизнерадостности, гармоничности мировосприятия, окрестили предшественниками падения язычества и подготовки христианства, а всю эпоху от второй половины V в. до н. э. до IV в. н. э. (Юлиана Отступника) стали классифицировать как «кризис античного мировоззрения». На людей кризисной эпохи были перенесены те устойчивые психологические комбинации, которые обычно ассоциируются с болезнью, страданием, тяжелым ощущением, душевным сомнением [7. С. 37–39].

На примере термина «античное мировоззрение» Р.Ю. Виппер показал механизм конструирования лженаучных представлений в истории, от

которых почти невозможно избавиться: так велик авторитет ученого или научной школы, породивших заблуждения.

Анализируя другое понятие, «античное хозяйство», Р.Ю. Виппер подтвердил свою мысль о гипнозе «унаследованных рубрик», которые регулируют работу историка и направляют его рассуждения в определенное русло.

Понятие «античное хозяйство» поглотило все «хозяйственные признаки и образы... от времен Приама и Одиссея до вступления в пределы империи варваров в IV и V вв. ... рабский труд, презрение свободных к индустриальной работе, слабость обмена и самодавление домашних хозяйств... ойкосов» [7. С. 40.] Совершенно очевидно, замечает ученый, что эта обобщенная «ложная картина», не соответствующая «определенному географическому и хронологическому месту», упрощала представления о социально-экономической жизни греков и римлян и лишала ее жизнеспособности, так как не предусматривала способности к развитию. Характерные черты и явления разновременных эпох были сдвинуты будто на одну плоскость и сцементированы в неподвижную картину. Если поначалу причина феномена «сдвинутости» – «стянутости» фактов и явлений, не привязанных ни к определенному пространству, ни к конкретным временным рубежам, заключалась в отсутствии достаточного количества источников для производства полновесных достоверных суждений, то впоследствии, даже при условии заметно расширившейся источниковой базы, сохранилась тенденция подгонять под устоявшуюся трафаретную схему все новые факты.

В XIX в. начался процесс разрушения мифа о существовании неподвижного «античного хозяйства». Благодаря усилиям Эд. Мейера и его весу в немецкой исторической науке картина «стянутости» античной производственной жизни начала разрушаться. Факты были разъединены и локализованы по месту и времени, было восстановлено своеобразие натурального ойкоса, показаны причины его разрушения, освещены разнообразные формы рабства [7. С. 40].

Пытаясь понять природу возникновения заблуждений, предвзятых комбинаций мысли, устойчивых научных суждений, Р.Ю. Виппер называет (кроме уже упомянутых преклонения перед научными авторитетами и традицией, инерционности и тенденциозности мышления) также и «объективированные моменты психики» – психологические *idola*, которыми руководствуется исследователь при изучении социальных или политических процессов. К их числу он относит психологический параллелизм и историческое уравнивание, перенося тем самым шаблоны в организации мыслительной деятельности историков исключительно в область психологии.

Прием психологического параллелизма, по Випперу, обязывает исследователя искать психологические аналогии в «явлениях разных рядов», логически не связанных между собой. Это приводит к подмене причин и следствий. К примеру, христианизацию Римской империи рассматривают причиной появления колонатных отношений, которые характеризовались

положительно, как факт социального прогресса и связывались с «ростом социальной справедливости», по сравнению с предшествовавшими им рабовладельческими отношениями.

Р.Ю. Виппер разоблачает эту распространенную точку зрения, объясняя ее натяжки: колонат не заменил рабовладельческие отношения, а сосуществовал с ними; он не мог являться фактом социального прогресса, так как представлял собой новую форму эксплуатации и зависимости для свободного населения от крупных земельных собственников. Общий его вывод сводился к тому, что типичная схема умозаключений, выводящая якобы более мягкий и гуманный строй (по сравнению с языческой эпохой) из утверждавшейся новой, христианской, этики, – глубоко ошибочна [7. С. 45].

Другой прием, исторического уравнивания, используется в исторических трудах для создания эффекта компенсации, сбалансированности фактов негативного порядка прямо противоположными по эмоциональному смыслу явлениями. Так, развитию социальной иерархии сеньориата и патроната в раннесредневековой Европе находили противовес в существовании христианской церкви, которую характеризовали как «демократическую структуру», «великую уравнивательницу» военно-аристократического феодального государства. При этом, замечает Р.Ю. Виппер, совершенно игнорировался тот факт, что «церковь... воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах» [7. С. 46].

Приемы психологического параллелизма и исторического уравнивания Р.Ю. Виппер называет своеобразными «психическими комбинациями», «длительными психическими привычками» историков [7. С. 49], хотя их можно было бы квалифицировать иначе: ошибками в организации исторического исследования прошлого. Он не был склонен связывать их с «политическими и социальными течениями и воздействием определенных эпох», в то время как детерминированность приводимых им примеров «запросами и установками», то есть популярными теориями и идеологическими концепциями, очевидна.

Проанализировав наиболее типичные ошибки историков, возникающие при изучении фактов и их «сцеплений» при помощи выявленных им «психических комбинаций» параллелизма и уравнивания, Р.Ю. Виппер считал своим долгом рассмотреть и другие ошибки, тоже, по его мнению, психологические, которые появляются на более высокой степени обобщения исторического материала, при выявлении закономерностей в истории. В этой связи он подробно остановился на освещении проблем «истории событий и состояний», степени организованности и сознательности в социальной эволюции.

«История состояний», по Випперу, представляет собой картину, созданную из разрозненных, одновременных или «стянутых» к одновременности явлений: к примеру, «средневековая церковь», «крепостное право». «История событий» создается из фактов, структурированных в их

последовательности (например, история первого крестового похода). Основное место среди фактов занимают «великие события» [7. С. 50].

Р.Ю. Виппер не противопоставлял, в отличие от многих своих коллег, события и состояния, а, напротив, объединял их, доказывая их сосуществование в реальной жизни, так как нет динамики без статики и, наоборот, не существует и законов, отдельно предназначенных для истории социальных состояний и политических действий. Обособленное рассмотрение «истории событий» и «истории состояний» возможно лишь исключительно в научных целях на стадии изучения материала, так как это искусственно созданная ситуация иерархии нерасторжимых фактов исторической действительности. Историк сознательно создает два мысленных разреза нерасчлненных в истории явлений для того, чтобы их лучше изучить, понять их природу, классифицировать. Однако, заявляет Р.Ю. Виппер, события нельзя противопоставлять состояниям, а состояния – событиям, так как они представляют собой сугубо «результаты двух способов нашего наблюдения» [7. С. 51], в то время как историки нередко ищут между ними причинную связь, спрашивая, «почему и как такое-то состояние вызвало такое-то событие» [7. С. 50], забывая при этом, что они пытаются установить причинную связь между результатами двух способов изучения материала.

Следовательно, резюмирует Р.Ю. Виппер, события и состояния, подобно всем другим историческим фактам, являются продуктом сознания историка. Волей историка, то есть его воображением, явления могут быть превращены в цепочку фактов или в плоскость состояний. Обнаружение между ними каузальных отношений – это ошибка, являющаяся следствием обобщающей, абстрактной деятельности историка.

Отношение Р.Ю. Виппера к «истории состояний» и «истории событий» как равнозначным и взаимодополняющим «разрезам истории» не оставалось неизменным. Исследователи его мировоззрения считают, что поворот ученого к более детальному изучению «истории событий», а, следовательно, и постулирование «истории событий» более важным «мысленным разрезом», чем «история состояний», произошел в 1913 г. [1. С. 193].

Выдвижение на первый план «истории событий» заставило Р.Ю. Виппера меньше внимания уделять изучению типичных, повторяющихся, устойчивых состояний в жизни народов. Гораздо больше его начинают привлекать не органичные и медленные изменения в формировавшемся веками укладе жизни, а переломные эпохи, кризисные явления в материальной и духовной сферах, быстрая, скачкообразная ломка давно сложившихся отношений. Феноменальное, единичное, индивидуальное начинают формировать сферу научных интересов Р.Ю. Виппера. Именно в таком контексте мировоззренческой эволюции следует рассматривать взгляды историка на роль выдающейся личности и переоценку значения места исторических героев.

В 1900 г., когда он впервые приступил к обоснованию необходимости перемен в методологии познания истории, вопрос о влиянии крупной

личности на эпоху решался им однозначно: он считал, что «понятие о великих чудодеях», заимствованное из старых религиозных и философских систем, является пережитком сознания исследователей и сохраняется в «исторических схемах» для того, чтобы самым доступным и незатейливым способом объяснить смену важных эпох и повороты в истории [7. С. 41, 42].

Без тени сомнения он утверждал, что в подобных мифологемах скрывается «привычка отыскивать для сложной действительности одну простую и притом живую олицетворенную причину» [7. С. 42]. Он был уверен в том, что за творящей личностью скрываются «массовое дело, совокупность идей, поступков, учреждений» времени жизни героя, и он превращается в наиболее характерный продукт эпохи, в выразителя общественных течений, настроений, идей только в восприятии историков под тенденциозным влиянием исторических свидетельств [7. С. 55]. Р.Ю. Виппер обвиняет авторов источников в создании иллюзорного, превратного отношения к отдельным индивидуумам. Отрывочные указания источников, как правило, выстраиваются вокруг выдающейся персоны, которая и формирует «исторические впечатления» исследователя. Он, в свою очередь, начинает приписывать личности творящее, воздействующее начало, а остальную, обезличенную, неизвестную массу людей превращает в пассивный объект воздействия героя.

Отвергая историю героев, Р.Ю. Виппер приводит объяснения некоторых неизбежных ошибок историков, которые он помещает в область психологии научного познания.

Прежде всего, он ссылается на прием *интроекции*, открытый в школе Р. Авенариуса. Суть его сводится к тому, что группа воспринимаемых историком «моментов» всегда расчленяется на творящие и творимые элементы, на активные и пассивные начала, на материю и дух. «В видимых нам отрывочно данных актах и моментах мы предполагаем результаты действия некоторой силы, и по этим результатам заключаем о невидимом, но необходимо существующем, как нам кажется, факторе» [7. С. 54]. В свете приема интроекции творящая историю личность воспринимается как активное начало, которое организует элементы, пассивно ожидающие этого воздействия. Историк, придерживающийся подобных убеждений, дважды эксплуатирует одни и те же свидетельства истории, сам не замечая этого: сначала он приспособливает факты к одной, наиболее выдающейся личности, затем, напротив, элиминирует оригинальные характеристики героя, с тем чтобы «из суммы стертых фигур» получить «среду» приложения его творческой энергии [7. С. 55].

Второе объяснение искажения истории заключается в том, что историк неосознанно смещает акценты, исключительно доверяя своим чувствам или полагаясь на интуицию. Он принимает за главное вовсе не то, что является таковым, а то, что случайно оказалось в поле его зрения первым, внезапно бросилось ему в глаза на фоне однородных, однопорядковых фактов. Это невольно приводит к смещению перспективы видения целого. «Внимание сосредоточивается на случайной частности, одной из многих одинаковых, из

сотен или тысяч, и эта частность воцаряется впоследствии над другими. Мы игнорируем все другие равные ей, потому что внимание фиксировано на одной точке» [8. С. 258, 259].

Ошибки в исследованиях могут происходить также из-за произвольных операций историков со свидетельствами иных эпох. У многих историков есть склонность при создании картины прошлого «сокращать и сгущать далекие, удаленные от нас периоды в компактные психические массы; в результате жизнь нескольких поколений... стягивается как бы в одну человеческую жизнь» [8. С. 129, 130].

Явление «стягивания истории» – *аберрации* – позволяет длительный процесс, проходивший неорганизованно, спонтанно, в высшей степени хаотично, превращать в логичный, осмысленный, закономерный план действий. Реальная история в сознании ученого превращается в историческую фикцию. Бессмысленной и бесформенной истории нередко придают целесообразный характер, подключив к описываемой эпохе незаурядную личность. Качества и свойства этой личности начинают проецировать на всю эпоху, к которой она принадлежала, не обращая внимания на наличие других личностей с иными личностными параметрами [8. С. 130].

Склонность исследователей непременно персонифицировать историю, сводить все многообразие процессов и явлений к произвольно выбранному символу эпохи, формулировать идеи времени, ссылаясь на взгляды наиболее заметных представителей общества, – воспринимается Р.Ю. Виппером как опасное заблуждение, возникающее под воздействием не изжитых в сознании историков пережитков первобытного сознания. Только тот, кто не порвал с первобытным анимизмом, смело заявляет Р.Ю. Виппер, может повсюду (в предметах, явлениях, группах людей) обнаруживать душу – «внутреннюю сознательную направляющую силу» [8. С. 131], невидимый двигатель истории, который ведет общество к прогрессу.

Общий вывод Р.Ю. Виппера сводится к тому, что популярная в научной среде теория героев лженаучна, она не выдерживает проверки средствами эмпириокритицизма. Историческое движение не может происходить по воле выдающейся личности или под воздействием скрытых сверхъестественных сил, воплощенных в символе эпохи. Абсолютизация волевого фактора возникает вследствие ошибок историков в организации познавательного процесса.

Работая уже в советской России, Р.Ю. Виппер перестает игнорировать рассмотрение вопроса о роли личности. Он начинает признавать равные права героев на существование в истории, наряду с историей масс. Столь заметные перемены в своих научных взглядах и подходах он объяснял «постоянно обновляемыми точками зрения», «живой, двигающей и организующей силой общественных наук», «новыми впечатлениями, настроениями, запросами» [9. С. 142, 145].

Вместе с тем ни запросы общества, ни потребности науки не заставили Р.Ю. Виппера подвергнуть редукции взгляды на телеологизм (целесообразность исторического процесса) и каузальность (причинность).

В дореволюционный период обе научные категории, телеологичность и каузальность, воспринимались Р.Ю. Виппером как «результат наивного самонаблюдения человека» [8. С. 139], стремящегося наполнить осмысленностью окружающую его действительность. И телеологизм, и каузальность, утверждал он, «исходят из приложения понятий личной человеческой воли к массовым явлениям» [8. С. 166].

Эта искаженная картина истории, претендующая на выражение истинной закономерности развития, – продукт сознания историка, иллюзия правдивости. Роль человека в процессе исторического генезиса на самом деле ничтожна, возможности ограничены, влияние на будущее не ощутимо. Р.Ю. Виппер был уверен в том, что «большинство наших движений и поступков совершается без участия... ясно сознанных мотивов или даже без участия какой бы то ни было сознательной мысли» [8. С. 139], поэтому он отрицал существование «социально-исторических целесообразностей», считая их бесплодной выдумкой марксистов, а, если и допускал мысль о целесообразности, то только в пределах ограниченного отрезка времени и только применительно к конкретным событиям [8. С. 155, 156].

Психологические истоки телеологичной идеи, по его мнению, заключались в феномене *антиципации* – склонности человека наделять прошлое предвосхищением современного. Антиципация возникает в процессе рефлексии человека, обобщающего результаты пройденного. Когда человек осмысливает достигнутые рубежи, в его сознании зарождается иллюзия, перевоплощаемая в убеждение, будто он «переживал предварительно в уме» всю систему своих поэтапных целенаправленных действий, прежде чем она была приведена в исполнение [8. С. 146–152].

Позднейшие поколения, прибегая к аналогичному заблуждению, могли приписывать своим предкам инициирование идей, воодушевлявших их на сознательные действия в строго определенном направлении, хотя в реальной жизни шел процесс медленного приспособления социальной системы к среде обитания.

Процесс, состоящий из ошибок, возвращений, задержек, случайностей, интенсивных, «острых и тягучих» моментов, позже стал восприниматься «достижением постоянно меняющихся целей» [8. С. 163].

Телеологичность присуща и организации научного труда историка, когда он, руководствуясь результатами сознательной деятельности одного человека (созданными им политическими программами, экономическими, государственными, религиозными учениями) – отождествляет с ними характеристики целых социальных групп и приспособливает к идеям личностей движения коллективов. Собирая лишь схожее, однородное «в общие полосы» и обходя нетипичное – «несогласные частности», историк вновь преувеличивает степень сознательности участников социальных

движений, доказывая изначально присущую людям устремленность к ясным целям [8. С. 160].

В отношении исторической причинности Р.Ю. Виппер полностью следовал за Р. Авенариусом и Э. Махом. Он относил причину исключительно к психической сфере познающего субъекта. Он полагал, что в «новый период научной мысли» не актуально задавать вопрос «почему?»; напротив, следовало недоверчиво относиться к категории причинности, которая «связывает мысль». Он пытался заменить термин «причина» на более нейтральные научные понятия: «условие», «зависимость», в которых, по его мнению, был относительно скрашен «оттенок творчества, духовности, производящей силы» [8. С. 168, 169].

Таким образом, Р.Ю. Виппер отказывался использовать термин «причина» из-за того, что обнаруживал в нем «скрытую волю, скрытый замысел, которые потом осуществляются в делах, в следствиях» [8. С. 166].

Р.Ю. Виппер старался не замечать различий между целеполаганием в истории и исторической причинностью: и то, и другое воспринималось им «скомпонованными» субъективными психологическими явлениями, связанными с намеренным перенесением на объективно проходящие процессы человеческой сознательности, волевой активности, а также обусловленными присвоением истории несвойственного ей творческого начала.

Однако, отрицая причинность, а следовательно, и причинно-следственные связи, Р.Ю. Виппер ставит под сомнение правильность своих прежних убеждений о возможности выявления закономерностей в процессе исторического движения. Пытаясь исправить свои амбивалентные взгляды, он заявляет о признании «правильной смены, правильной повторяемости многих явлений» [10. С. 267], не подверженных субъективным подходам, а также говорит о наличии «групп постоянных сцеплений, образующих механически повторяющиеся единства» [10. С. 268].

Целеполагание и причинность в истории Р.Ю. Виппер воспринимает явлениями одного порядка, так как обе эти научные категории присущи не истории, а сознанию историка, его «мысленным разрезам». Р.Ю. Виппер не может очевидный для него хаос исторического процесса воспринимать организованным лишь только потому, что его предшественники наделили выдающуюся личность свободой воли и осознанием целей предстоящего общественного развития. Схемы: «план – исполнение, толчок – рациональная реакция на него, притягательная цель и устремление к ней» [8. С. 163] – были для него неприемлемы, так как причинная связь генетически родственна телеологизму. «Причинность в большей степени облачена в одежды онтологичности лишь по причине «правдоподобного обмана», связанного с хронологическим расщеплением реального исторического явления. Причинность в итоге сводится к длительности, протяженности во времени, более или менее удачно препарированной на причины и результаты, которые на самом деле связаны между собой только исследовательской волей» [2. С. 158].

Подобные рассуждения позволяли Р.Ю. Випперу усомниться в необходимости изучать причинно-следственные связи. Он провозглашает целью «новой исторической науки», очищенной от остатков метафизики, описание явлений [8. С. 220], а не их интерпретацию, так как «хорошее меткое описание явления составляет лучшее научное понимание и оценку его» [10. С. 278].

Призвав ученое сообщество описывать исторические образования без «подключения» рациональных компонентов интеллектуального труда историка, Р.Ю. Виппер сам с трудом адаптировался к новым рамкам творчества, возведенным им же. Подготавливая тексты своих лекций к печати, он не мог себе позволить отказаться от проблемного, а следовательно, глубоко рассудочного метода изложения. Он формулировал научную проблему, конкретизировал ее в блоке последовательных, логично расположенных вопросов, целенаправленно отбирал источники, систематизировал, сравнивал, оценивал, критиковал их. В этих этапах восхождения Р.Ю. Виппера к научной истине в бóльшей степени проявлялись его увлеченность социологическими методами исследования и преданность позитивизму, чем связь с эмпириокритицизмом.

Однако связь с эмпириокритицизмом, убежденным последователем которого Р.Ю. Виппер становился, все же ощущается. Она проявляется в «мысленных разрезах» автора, отбирающего и интерпретирующего источники только в соответствии с его научным *credo*. Отсутствие выводов по главам и разделам, отказ от употребления термина «причина» создают эффект дискретности, бессистемности и хаотичности происходящих в истории процессов с непредсказуемыми тенденциями ее дальнейшего развития. Р.Ю. Виппер редко дает определения понятиями (причем варианты дефиниций могут не совпадать), он создает свою периодизацию греко-римской истории.

Р.Ю. Виппер был воинственно настроен к «мысленным разрезам» античной истории, не совпадающим с его собственными умственными конструкциями. Он обвиняет зарубежных историков в аберрации, телеологизме, теоретическом формотворчестве, истоки которых видит как в несовершенстве предпринятых ими методов изучения античности, так и в проявлении психологического феномена антиципации, что и делало позволительным им видеть в античности прообраз настоящего и будущего.

Однако само стремление Р.Ю. Виппера понять психологию исторического творчества, распознать мотивацию причин, неизбежно влекущих за собой искажение в научных трудах исторических реалий, следует считать большим вкладом ученого в гносеологический раздел историософии. Уже сто лет тому назад Р.Ю. Виппер начал производить ревизию традиционного взгляда на историю как на науку, способную постичь объективное знание, усомнившись в эффективности ее познавательных возможностей. Он стоял у истоков релятивизации исторического знания, подготавливая (задолго до констатации нового кризиса исторической науки) возникновение «новых» историй

(интеллектуальной, политической, социальной) и смену исследовательских парадигм конца XX в.

Библиографический список

1. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976.
2. Володихин Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2.
3. Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.
4. Володина Т. А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII–середина XIX в. // История и историки. Историографический вестник. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005.
5. Журавлев Ю. Е. Античность и современность в трудах Р.Ю. Виппера // Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Т. 1. Ростов н/Д, 1995.
6. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923.
7. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912.
8. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911.
9. Виппер Р.Ю. Новые направления в философии общественной науки // Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912.
10. Виппер Р.Ю. Реакционный идеализм и новая наука // Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912.